

*Анатолий Мирошниченко
г. Харьков, Украина*

СВОЕЙ СУДЬБОЙ СОЕДИНИТЬ... **(Хронология событий)**

Ничто в нашей жизни не происходит беспричинно. Поначалу произошедшее событие кажется нам случайным и только по прошествии времени мы, оглянувшись назад, можем отчётливо увидеть, что оно стоит в цепи последующих событий, что не будь его, мы не оторвались бы от повседневных забот и не достигли бы заветной цели ни в жизни, ни в творчестве. То, что должно произойти, произойдёт непременно. Возможно, с некоторой временной задержкой, но произойдёт. Об этом позаботится Провидение.

Вот и я, оглянувшись назад, вижу, как Оно медленно и неуклонно приближало встречу оказавшихся на разных параллелях и меридианах двух крестьян по рождению, двух украинцев, двух поэтов Анатолия Мирошниченко и Анатолия Мироненко. Как Оно озаботилось нашими судьбами задолго до нашей встречи в Краматорске. Как Оно, спасая меня от туберкулёза, осенью 1951 года направило меня в сосновый Святогорск, в только что открывшуюся банновскую Лесную школу для лечения детей с открытой формой туберкулёза. Как по Его воле Анатолий Мироненко тоже оказался в Святогорске двадцать лет спустя – в 1971 году и прожил в нём всю оставшуюся жизнь. Так Провидение соединило наши судьбы не только поэзией, но и Святыми горами...

Начну сопоставление наших судеб не с детских, а со студенческих лет, иначе не смогу остановиться...

Сперва вкратце о себе. В 1962 году я окончил Донецкий политехнический институт по специальности Механическое оборудование заводов чёрной и цветной металлургии. Решением Государственной экзаменационной комиссии от 12 июня 1962 года мне присвоена квалификация инженера механика.

В армию я не призывался – в институте была военная кафедра. Там в течение трёх лет (раз в неделю) мы занимались военной подготовкой, лекции нам читали и проводили с нами практические занятия старшие офицеры. Летом, после сдачи экзаменов, мы выезжали в военные лагеря. Жили в полевых условиях, в палатках; сержанты учили нас уму разуму. В лагерях, помимо ежедневной армейской муштры, мы сдавали зачёты по вождению бронетранспортёров и зенитных самоходных установок на пересечённой местности. Там же, в лагерях, летом 1960 года приняли присягу. Моё военное образование – Командир взвода самоходных зенитных артиллерийских установок; воинское звание – младший лейтенант.

После окончания института военкоматы через два-три года вызывали нас повестками и направляли на переподготовку, а через десять лет повышали звания. Ныне я старший лейтенант (с военного учёта снят по возрасту).

В институтской приёмной комиссии по распределению нас, выпускников, на заводы, в НИИ и КБ город и завод я выбрал сам: Краматорск, Ново-Краматорский машиностроительный завод, один из крупнейших в Советском Союзе. Мне нужен был практический производственный опыт работы, поскольку теоретическими знаниями институт вооружил нас основательно. Кстати, я четыре года был старостой группы и третьим по успеваемости студентом, поэтому мог остаться в Донецке, мог поехать в Киев, в Белую Церковь, в Харьков, в Алма-Ату, в Актюбинск. Мог остаться или поехать, но не остался и не поехал: мои действия контролировало Провидение и направило меня по тому пути, который я, как мне казалось, выбрал сам. Оно предопределило мою встречу с Анатолием Мироненко в Краматорске и его встречу со мной тоже предопределило...

В начале сентября 1962 года я приехал в Краматорск и приступил к работе в механическом цехе № 1 НКМЗ. В течение трёх месяцев при трёхсменном режиме работы я освоился на заводе и в декабре пришёл в литературное объединение (ЛитО) при газете «Краматорская правда». Стихи я начал писать осенью 1958 года, на втором курсе института, печатался в факультетской стенгазете, поэтический опыт у меня был, поэтому белой вороной в литобъединении я не выглядел.

В Краматорске я проработал до апреля 1970 года. С апреля 1970 по ноябрь 1971 года жил и работал в Донецке. В конце ноября 1971 года переехал в Харьков: меня пригласили на работу в качестве специалиста в созданное по постановлению Совета Министров СССР Производственно-техническое объединение «Союзтехоснастка», в состав которого входили четыре опытных завода технологической оснастки и Межотраслевое головное конструкторско-технологическое бюро (МГКТБ), на базе его впоследствии был создан институт – МГКТИТехоснастки.

Анатолий Мироненко в 1959 году окончил Горловский государственный институт иностранных языков по специальности французский язык, украинский язык и литература. Решением Государственной экзаменационной комиссии от 29 июня 1959 года ему присвоена квалификация учителя французского языка, украинского языка и литературы средней школы и звание учителя средней школы.

В 1959 году в конце пятого курса Анатолий Мироненко женился на однокурснице из Краматорска Кузьменко Эмме Петровне. По окончании института вместе с женой работал в восьмилетней школе в глухом селе Здовбица на Ровенщине. Служил в рядах Советской Армии (1959–1961) в Новочеркасске, в 406-ом тяжёлом танковом полку в качестве писаря оперативной части. Вернулся из армии в звании младшего лейтенанта с девятью благо-

дарностями от командования полка, дивизии и Северо-Кавказского военного округа. В июне 1962 года в Росаве, где он отдыхал у родителей, его настигла телеграмма: «Вы призваны в ряды Советской Армии, Вам присвоено очередное воинское звание лейтенант. Прибыть во Львов, в штаб Прикарпатского военного округа». Потом были батальон особого назначения (радиоперехват) в г. Костополе на Ровенщине, танковый батальон в г. Старо-константинове на Хмельниччине, Москва (курсы военных переводчиков) и Сеща Брянской области (устный перевод в авиаполку).

Демобилизовался Анатолий Мироненко в 1967 году в г. Краматорск, где жила в однокомнатной квартире его тёща. Работал учителем украинского языка и литературы в краматорской СШ № 26 (1967–1971). Летом 1971 года переехал вместе с женой и дочерью в Славяногорск. Там началась для него и его семьи новая жизнь, полная драматических и трагических событий. Но это другая особая тема...

Писать стихи он начал ещё в росавской школе. Во время учёбы в институте посещал литературную студию при горловской газете «Кочегарка» и публиковался в ней.

После демобилизации из армии и переезда в Краматорск Анатолий Мироненко появился в литературном объединении при «Краматорской правде». Там мы познакомились, нашли общий язык и вскоре подружились, как оказалось, на всю жизнь. И это при том, что он окончил гуманитарный вуз, а я технический; что он писал на украинском языке, а я на русском; что его жизненный и литературный опыт был богаче, чем у меня.

С первых стихотворений, прочитанных Анатолием на заседании ЛитО, мне стало ясно, что в наше объединение пришёл талантливый, оригинальный, состоявшийся поэт и, как позже выяснилось, незаурядный и бесстрашный человек с собственным мирозрением. Неудивительно, что он стал центром притяжения в ЛитО, хотя в объединении были лидеры, к которым тянулась литературная молодёжь: Олег Плуталов, Семён Кудинов, Константин Мищенко, Леонид Горовой, Альберт Провозин. Вскоре в литературном объединении образовалось ядро в составе Анатолия Мироненко, Анатолия Мирошниченко, Виктора Пикалова, Анатолия Кучкина. Мы собирались не только в «Крамправде»... Читали стихи, говорили о наболевшем, спорили о поэзии, о политике, о цензуре. Горны наших душ круглосуточно переплавляли руду жизни, а наши стихи обретали социальную остроту.

На заседаниях ЛитО Мироненко выступал принципиально и бескомпромиссно и неоднократно страдал «за други своя», в том числе за меня. Ярче и ёмче сказал об этом сам Анатолий Мироненко в своей Автобиографии от 17 февраля 2000 года, которую он написал по просьбе Станислава Тищенко (нашего общего друга), обозревателя региональной массовой газеты «Донбасс», заслуженного журналиста Украины.

Привожу обширною выписку из Автобиографии Анатолия Мироненко, касающуюся только творческой стороны наших отношений: «В 1970 році повинна була побачити світ моя книга віршів «Колір щастя». Вона була вже повністю відредагована, і я бачив навіть її обкладинку.

В цей час Толя Мірошніченко попросив у Миколи Рибалка організувати його творчий звіт в літературній студії при газеті «Краматорская правда».

– Ти, Толя, – сказав Рибалко, – приготуй 10–15 віршів, ми їх обговоримо, а потім посидимо.

Але Толя на чергове засідання студії приніс кілька примірників рукопису під назвою «Сто віршів». Один з примірників дістався мені для аналізу. Прочитавши його і зрозумівши, з чим маю справу, я попросив директора школи підмінити мене на 3 дні, аби мати можливість зробити письмовий аналіз, тобто я хотів, не заїкаючись і не збиваючись, прочитати виступ, що й було зроблено.

Не про 10–15 віршів, а про видання абсолютно готової і блискучої книги віршів повинна йти мова. Деякі речі я назвав геніальними. Цього Рибалко побачити мені не міг. Лауреат двох республіканських премій – ім. Островського та ім. Шевченка, – стукач КГБ, людина жорстока і безпощадна, він виплював навколо себе будь-які таланти, а якщо терпів їх, то тільки в якості свого антуражу. Саме тому кількадесятилітня історія Краматорського літоб'єднання не дала літературі жодного, крім Рибалка, члена спілки письменників Ук-раїни. Горлівка, наприклад, видала на-гора більше двадцяти. За той же час.

Через три дні до мене підійшов Альберт Провозін (відповідальний секретар газети. – А.М.):

– Толя, Рибалко і Тімачков (редактор газети. – А.М.) запропонували мені разом з ними звернутися у видавництво, аби зняти твою книгу. Я сказав, що на таку підлість не піду.

Зате на таку підлість пішли Рибалко і Тімачков самостійно. Рибалко пішов далі: він звернув на мене увагу КГБ, і під його ковпаком я знаходився до самісінького кінця цієї «славетної» організації.

У 1978 році зусиллями Костя Тесленка і Григорія Кривди побачила світ моя «Росава» (24 сторінки, 27 віршів. – А.М.). Я був уже в Слов'яногірську. Досить швидко до мене приїхав капітан Славянського КГБ Микола Олександрович (прізвище забув) з пропозицією про співпрацю. Він запропонував мені видати у Києві будь якої гостроти другу книгу, а на мене повинні були злітатися дисиденти з усієї України. Я відповів, що не маю ніякого права бути суддею своїх товаришів по перу. Після цієї відмови мене перестали друкувати будь-де, і я вимушений був писати в стіл. КГБ не залишав мене в спокої і час від часу підсилав до мене своїх агентів. Два з них здалися мені в Слов'яногірську. Як артист, я їх переграв, а як алкоголік – пере-

пив. І тільки в 1988 році ти, Славо, почав мене витягувати з цього страшно-го життєвського болота і, як гадаю, уже витягнув і допомагаєш рухатись далі, за що я тобі щиро вдячний».

У мене сохранилась девятнадцатистраничная рукопись (с семью страницами вставок), с которой Анатолий Мироненко выступил на моём творческом отчёте в Краматорском литературном объединении 24 октября 1969 года. Это выступление, в котором не было никакой политической крамолы, повлекло за собой жёсткие санкции, обрушенные на Анатолия Мироненко (я повторюсь): его книгу «Колір щастя» издательство «Донбасс» сняло с производства; его стихотворения, статьи, рецензии запретили (негласно) публиковать в прессе; но и, само собой, его творчеством, его личностью и его окружением заинтересовался КГБ. В частности, мной и Анатолием Кучкиным.

Ждать долго вызова в КГБ не пришлось. Некоторое время спустя через первый отдел НИИПТМаша (я тогда работал в институте) меня «пригласили» в краматорский горотдел КГБ. Беседа с сотрудником КГБ длилась минут сорок. Его интересовали взаимоотношения пишущей братии в ЛитО. Наверное, общением со мной он остался недоволен, потому что я не очернил ни одним словом ни одного из моих товарищей. Предложения о «сотрудничестве» с его стороны не было. Однако дело на меня было заведено и негласный надзор за мной длился до 1988 года. С 1971 года я жил и работал в Харькове, в МГКТБ (МГКТИТехоснастки), и был невыездным. Мало того, мне, заведующему сектором внедрения универсально-сборной переналаживаемой оснастки (УСПО) на заводах машиностроительных министерств, не давали допуска для выполнения работ на предприятиях оборонной промышленности, хотя мои подчинённые получали такие допуски без проблем. И только в 1988 году начальник первого отдела института вручил мне допуск со словами: «А ты, оказывается, нормальный советский человек!» В июне 1990 года директор института направил меня с коллегой из другого отдела в двухмесячную командировку в КНДР, на СП Хичхон-Горький, для внедрения в производство нескольких комплектов УСПО, поставленных нашим институтом северокорейскому предприятию.

Наше ядро в Краматорском ЛитО действительно распалось в силу объективных причин. Выше я писал, что в апреле 1970 года уехал в Донецк, что Анатолий Мироненко в июне 1971 года переехал с семьёй в Славяногорск. Анатолия Кучкина призвали в армию. Он отслужил своё в авиаполку, базировавшемся под Купянском. Слетал на Камчатку (была у него такая возможность). Демобилизовался в Минск. Виктор Пикалов остался в родном Краматорске.

Несмотря на то, что мы разлетелись, наша мужская и творческая дружба не прервалась. Мы переписывались, перезванивались, изредка встречались. Чаще всего ко мне в Харьков приезжал Виктор Пикалов, учившийся на

заочном отделении в Литературном институте имени Горького в Москве, ре-же – Анатолий Мироненко. В один из приездов я ввёл Мироненко в круг близких мне по духу харьковских писателей. В меру своих возможностей мы с женой поддерживали его материально, когда он остался один, лишился работы и бедствовал.

Взаимного творческого влияния друг на друга (я имею ввиду себя и Мироненко) мы не оказывали: каждый шёл своей литературной дорогой. Правда, стихотворения Анатолия Мироненко «Гефест», «Пенелопи», «До музи», поэма «Прометей» разбудили во мне интерес к античной поэзии. Начал я знакомство с нею с самого сложного – с «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. С твёрдокаменным переводом «Илиады» Николая Гнедича я справился с трудом, переведённую Василием Жуковским «Одиссею» прочёл легко. Когда же я усвоил древнегреческую мифологию и имена героев, участвовавших в Троянской войне, я перечитывал обе книги, не испытывая никаких затруднений. Потом я взялся за освоение творчества других античных поэтов, драматургов и прозаиков. Находясь под впечатлением прочитанного, а также поездок в Одессу, Овидиополь, Феодосию, я написал цикл стихотворений «Античные» мотивы» и опубликовал его в своей книге «Золотое сечение» (1994).

В январе 1994 года я написал письмо главному редактору газеты «Літературна Україна» Рогозе Б.П. и Председателю Союза писателей Украины Мушкету Ю.М. Я писал им о безвестности, бедности и одиночестве блистательного украинского поэта и философа Анатолия Мироненко, назвал написанное им национальным достоянием и просил первого опубликовать подборку его стихотворений в «Л.У.», а второго – принять Мироненко в СПУ и таким образом морально поддержать его. За тремя подписями – своей, Вячеслава Романовского и Виктора Пикалова (я попросил их присоединиться ко мне) – 27 января письмо с подборкой стихотворений Мироненко уехало в два киевских адреса. Реакция литературных чиновников была такой: Мушкетик отмолчался, из «Л.У.» 11 апреля я получил письмо, подписанное зав. отделом украинской литературы С. Литвиным, оно было кратким: «Возможности газеты невелики. Сможем напечатать лишь одно стихотворение. Такова реальность». Я согласился с «таковой реальностью» и сообщил об этом Литвину. Но и одно стихотворение, наверное, не было опубликовано. Столичное высокомерие не позволило им, Рогозе и Мушкету, разглядеть живущего в провинции гения!

В первом квартале 2000 года я издал в Харькове, в «Родном голосе», книгу стихотворений Анатолия Мироненко «Вічні косарі» (104 страницы, 99 стихотворений). Помогали мне готовить книгу к изданию (компьютерный набор, вёрстка, печать, фальцовка) Павел Гулаков, Иван Гунько, Алексей Чебанюк, Татьяна Чибисова, Лидия Гриценко. Тираж книги я вручил Мироненко в Святогорске 25 апреля – в день его рождения. Радость поэта была

велика... Кстати, рукопись этой книги он подготовил давно и прислал её мне 1 января 1976 года, поскольку сам реализовать идею её издания не мог. Но тогда и я был в подобном положении. Время было сперва советское, потом – антисоветское, бандитское и безденежное, поэтому рукопись пролежала без движения до 2000 года...

В 2001 году в одном из писем я посоветовал Анатолию Мироненко подготовить собрание сочинений в трёх томах: в первый том включить стихотворения и сказки, во второй – драматические произведения, в третий – его двадцатилетний титанический труд «Філософія життя і кінець основного питання філософії». Анатолий был поражён моим предвидением необходимости этой работы, когда в том же году на творческом вечере в Краматорске председатель правления АТЗТ «АПП» Юрий Владимирович Мельник, услышав стихи Анатолия Мироненко и узнав о его драматических произведениях, пообещал ему издать бесплатно двухтомник его сочинений и сдержал своё слово: в 2002 году вышел из печати первый том Анатолия Мироненко «Поезії», в 2003 году – второй том «Драматичні твори».

Валерий Павлович Сиротенко, заведующий кафедрой славянской филологии Краматорского экономико-гуманитарного института, кандидат филологических наук опубликовал две глубоких научных статьи о творчестве Анатолия Мироненко: «Своєрідність образної системи поезій А. Мироненка» и «Роль зображувально-виражальних засобів у розкритті мотиву історичної пам'яті у поезіях А. Мироненка». Обе статьи напечатаны в научном издании «Слобожанщина: літературний вибір». Збірник наукових праць. – Луганськ: Знання. Первая статья – в выпуске II за 2004 год, вторая – в выпуске III за 2005 год.

В 2006 году в Харькове, в издательстве ТАЛ «Слобожанщина» я напечатал уникальный труд Анатолия Мироненко «Філософія життя і кінець основного питання філософії», в котором он даёт теоретическое решение основного вопроса философии, над которым столетиями «бились» виднейшие философы мира – и по линии идеализма и по линии материализма. Я подготовил этот объёмный труд к изданию при мощной поддержке и помощи Павла Гулакова, Виктора Полянецкого, Владимира Галаура, Татьяны Чибисовой, Вадима Чепура.

После получения сигнального экземпляра «Філософії життя...» Анатолий Мироненко прислал мне самое короткое письмо за весь период нашей переписки: «Толя! Да святится имя твоё!» Я распространяю эту словесную формулу на всех моих друзей, способствовавших выходу этой книги в свет.

В 2008 году в том же издательстве ТАЛ «Слобожанщина» вышла под моей редакцией последняя прижизненная книга Анатолия Мироненко «Моє Святогір'я». Помощниками моими были Павел Гулаков, Татьяна Чибисова, Наталья Мирошниченко. Большую часть стихотворений в этой книге Мироненко по-

святил в знак искренней и глубокой благодарности тем людям, которые сыграли значительную роль в его жизни и творческом становлении. Венок сонетов «Мое Святогір'я», замыкающий книгу, поэт посвятил Валерию Сиротенко.

В 2010 году в издательстве ТАЛ «Слобожанщина» вышла в свет посмертная книга Анатолия Мироненко «Вселенской печали пора» в переводах на русский язык. Инициатива издания этой книги исходила от моего друга и друга Анатолия Мироненко, широко известного краматорского журналиста, поэта, прозаика, публициста, переводчика Виктора Пикалова. Субсидировали её издание харьковские писатели Анатолий Мирошниченко, Павел Гулаков, Владимир Копычко. «Вселенской печали пора» набиралась, версталась и печаталась в издательстве Федорко. Она издана со вкусом и любовью, благодаря верставшему её Андрею Выдренкову. Обложка книги украшена фотографией Свято-Успенской Святогорской лавры и Северского Донца (из архива Анатолия Конькова) и замечательной фотографией Анатолия Мироненко работы талантливого фотохудожника Евгения Вараввы. Как жаль, что ни Виктор Пикалов, ни Анатолий Мироненко не смогли ни полюбоваться этой книгой, ни прочитать её: оба писателя ушли из жизни в августе 2009 года...

Следует особо сказать о роли в творческой судьбе Анатолия Мироненко харьковского украинского поэта Микола Козака. Когда я познакомил его с поэзией Мироненко и рассказал ему о драматической судьбе поэта, Микола проникся острым желанием привлечь внимание к творчеству Анатолия Мироненко украинской диаспоры, проживающей в Канаде. Так мы и решили с Козаком. Я сообщил о нашей договорённости Анатолию Мироненко и попросил его прислать мне подборку стихотворений, автобиографическую справку и фотографию. Микола Козак написал сопроводительное письмо главному редактору журнала «Нові дні», с которым был давно знаком. А я всё это вместе отправил в Канаду, в редакцию журнала. В декабрьском номере журнала «Нові дні» за 1994 год (TORONTO, ONT., CANADA) на первых двух страницах были опубликованы: подборка стихотворений Анатолия Мироненко «За мною вся прийдешня Україна» (8 стихотворений), его автобиография и его фотография. В подборке красовалось и бессмертное стихотворение поэта «Плакуча верба». Три композитора: Валериан Стратуца (Торонто, Канада), Анатолий Мирошник (Сидней, Австралия) и композитор из Санкт-Петербурга (запомнил его имя) написали музыку на «Плакучу вербу» – так она взволновала сердца этих людей...

Журнал «Нові дні» ещё раз отличился: в сдвоенном номере за июль – август 1997 года опубликовал рецензию Анатолия Мироненко «Міра безумства нашого» на книгу Микола Козака «Молитва» (с. 43–44).

Отправлял я стихи Мироненко с сопроводительными письмами Козака и в другие зарубежные журналы: «Визвольний шлях» (Ливерпуль, Лондон),

«Молода Україна» (Торонто, Онтарио, Канада), а также Ивану Дзюбе (для журнала «Сучасність»).

Благодаря публикациям в журнале «Нові дні» Анатолий Мироненко стал известным в украинских диаспорах Канады, Австралии, Франции, США. Но в Национальный союз писателей Украины его приняли только на закате жизни – в сентябре 2003 года. Рекомендации в НСПУ ему дали по моей просьбе известные украинские поэты Леонид Талалай, Анатолий Перерва, Иван Перепеляк.

Творчество Анатолия Мироненко тиражировали в газетах и журналах, популяризировали на радио и телевидении уже названные и неназванные мной краматорчане Виктор Пикалов, Валерий Сиротенко, Татьяна Лукьянова, Юрий Мельник, Анатолий Кибирев, Феликс Скворцов, Владимир Коцаренко, Екатерина Подгорная, Евгений Варавва, Леонид Горовой; дончане Станислав Тищенко, Виталий Юречко, донецкие радио- и тележурналисты; харьковчане Вячеслав Романовский, Анатолий Перерва, Виктор Бойко, Павел Гулаков, Микола Козак, Владимир и Юлия Копычко; белгородец Евгений Дубравный.

Разделяли житейские тяготы Анатолия Мироненко краматорские поэты Виктор Пикалов, Феликс Скворцов, Анатолий Кибирев, Леонид Горовой, фотохудожник Евгений Варавва, бухгалтер и экономист Галина Гетьманенко, начальник управления культуры Краматорского горсовета Алёна Шипова и азъ грешный Анатолий Мирошниченко.

Анатолий Мироненко, в свою очередь, питал нас духовной пищей: стихами, сказками, сонетами, драмами, «Філософією життя...»; читал их в узком дружеском кругу и на публике; редактировал рукописи краматорских поэтов, писал рецензии на вышедшие из печати книги и публиковал их в газетах Краматорска, Донецка, Харькова и даже в Канаде; писал острые критические статьи, которые далеко не всегда удавалось напечатать...

По силе, глубине и оригинальности выражения мыслей и чувств; по ясности, прозрачности и красоте языка я ставлю поэзию Анатолия Мироненко рядом с поэзией Михаила Лермонтова.

Ежегодно 25 апреля мы, его друзья и соратники, собирались в Святогорске на очередной день рождения чудотворца украинского слова с надеждой насладиться беседой с ним и пообщаться друг с другом, и никогда не обманывались. Теперь об этом можно только помечтать наедине с его книгами или в кругу святогорских бронзовых сосен...

В этом эссе я обратился только к творческой ипостаси моего незабвенного друга, выдающегося украинского поэта, драматурга, философа и публициста Анатолия Антоновича Мироненко, сорокадвухлетней неразрывную дружбу с которым Провидение позволило мне «Своей судьбой соединить...» За пределами эссе осталось ещё многое и многое. У Мироненко была не толь-

ко золотая голова, но и золотые руки. Приведу ещё один абзац из его Автобиографии: «Під осінь 1983 року я влаштувався різьбярем по дереву в пансіонат «Сосновий бір» шахти імені Засядька. Вже через рік фотографії моїх робіт з'явилися в газеті «Правда України», в журналі «Донбасс», двічі показувала їх всесоюзна програма «Время».

Осталась неопублікованною проза Анатолія Мироненко (почему-то он её придерживал); ждёт своего часа наша переписка. Я сохранил все его письма, он – только часть моих (наверное, опасался самые острые из них хранить в своём книжном шкафу); пропали бесследно мои «Лесные письма», которые я писал в одном экземпляре на сосновом берегу Краснооскольского водохранилища и отправлял ему по мере написания.

Под занавес я вынужден сказать несколько горьких слов тем, кто популяризирует творчество Анатолія Мироненко.

Меня удивляет, мягко говоря, замалчивание моего имени во всех без исключения публикациях о жизни и творчестве Мироненко, как будто всё, что он писал со времени нашего знакомства в Краматорске, не проходило через мои руки, словно не я издал в Харькове четыре его книги (из семи изданных), не я озаботился его приёмом в НСПУ и многим другим, в том числе на бытовом уровне. Короче говоря, я читаю журналистские статьи и «понимаю», что меня в жизни Анатолія Мироненко не было, а были у него какие-то абстрактные, безымянные «харьковские друзья». Замалчиваются имена и других харьковских писателей, поддерживавших Анатолія Мироненко: Вячеслава Романовского, Анатолія Перервы, Павла Гулакова, Виктора Бойко, Миколы Козака, Ивана Перепеляка...

Благо, что Анатолий Мироненко был благородным, совестливым и благодарным человеком и в последней прижизненной книге «Моє Святогір'я» он развеял журналистские мифы и назвал своих друзей поимённо.

29.11.2012